

Воспоминания Елизаветы Николаевны Маллицкой об отце - Николае Гурьевиче Маллицком

Отец мой, Николай Гурьевич Маллицкий, родился в селе Дедово, Оренбургской губернии, 18(30) сентября 1873 года. Его отец, Гурий Александрович Маллицкий, был третьим сыном местного священника, отца Александра Маллицкого. Предки Маллицких были шляхтичи из под г. Львова и прадед моего отца был сослан за участие в восстании, в России принял православие. Гурий Александрович, отец Николая Гурьевича, окончив Оренбургскую мужскую гимназию был назначен учителем в село Дедово. Мать, Елизавета Петровна Молчанова, также приехала в село Дедово по назначению работать учительницей, окончив в Оренбурге женскую гимназию. Незадолго до окончания гимназии Елизавета Петровна осиротела, умер отец Петр Петрович Молчанов и семья оказалась в бедственном

положении. Жена, три дочери (Елизавета младшая) и сын Константин из большого когда-то наследства получили только долги, которые нечем было покрыть. Продано было все, даже личные вещи и мебель. Две старшие сестры были уже замужем, брат учился в кадетском корпусе, а Елизавета Петровна поехала зарабатывать на хлеб, как тогда говорили. Очень молодыми поженились родители Николая Гурьевича, он был их первенцем.

Были и другие дети. Сестры Нина Гурьевна и Елена Гурьевна. Вскоре Маллицкие переехали в Оренбург, отец Николая Гурьевича также стал учительствовать. В эти годы Гурий Александрович, а особенно Елизавета Петровна, близко сошлись с народолюбцами. Отец мой вспоминал, что убийство Александра II повергло Гурия Александровича просто в отчаяние, не о таких методах борьбы со старым строем он мечтал. Тем не менее из учителей Гурий Александрович был уволен. Пробовал поступить работать на почту - не приняли. Предложили поехать в Восточную Сибирь, Хабаровку, как тогда называли. Везли на казенный счет кругосветным путешествием через Одессу, Средиземное море. Суэцкий канал, заходили в порты Индии и Китая. Маллицкие уехали с младшими детьми, а моего отца не взяли. Он учился в гимназии (как сын учителя на казенный счет). Потом, т.к. учился отлично, тоже был оставлен на бесплатном обучении. Ему было двенадцать лет, оставили его у дедушки и бабушки Маллицких, которые также к этому времени переехали в Оренбург. Дед уже не служил, был на пенсии. Гурий Александрович еще не успел доехать до места назначения, как старый священник умер. И горячо любимый его внук остался с бабушкой и теткой, незамужней сестрой отца, Гурия Александровича. Пенсию дали крошечную (что-то, кажется, 8 рублей) и папа стал прирабатывать репетиторством. Сам учился прекрасно и умел, очевидно, подтянуть плохих ленивых учеников (больше из купеческих семей). Вспоминал иногда что-нибудь забавное об этих уроках. Бабушка, горячо любившая своего внука Колю, знала наизусть массу стихов Пушкина и Лермонтова, всю «Полтаву», целые главы «Евгения Онегина». Умерла она, когда мой отец сдавал последний экзамен, так и говорила: «Поедешь учиться в Петербург, Коленька, а я уж умру».

Папа хотел поступить в университет и подкопил, давая уроки, денег. Но, похоронив бабушку, оставил деньги тетке, и поступил в Петербургский педагогический институт. Туда, как и в женский педагогический институт, принимали только медалистов, в институте был интернат, питание, обмундирование, учили бесплатно. Окончившие обязаны были ехать работать по назначению. Папа (Н.Г.Маллицкий) гимназию окончил с золотой медалью в 1891 году. А историко-филологический факультет института (историческое отделение) - с отличием в 1895 году. Он учился еще в классической гимназии, где кроме живых языков учили латынь и греческий. Семья же Маллицких в Сибири жила неплохо. Гурий Александрович служил на почте, стал почтмейстером. Из Хабаровска они переехали в Читу. Дочь Нина училась в гимназии во Владивостоке. С сыном Маллицкие переписывались, тосковали, надеялись увидеться. Но отца своего Николай Гурьевич больше не видал т.к. он умер в Хабаровске, куда снова вернулся на работу, сорока шести лет. В Сибири у Маллицких были друзья среди ссыльных. Но сами они, очевидно, в подпольные связи уже не вступали, (кроме Нины, которая стала социал-демократкой). Гурий Александрович был человек очень добрый и мягкий. Поздней осенью 1900 года было одно из восстаний «большого кулака» в Китае. Хабаровский губернатор вывел на берег Амура, еще не восставшего, горожан-китайцев и приказал им плыть на китайский берег, к тем, кто восстал там против законной власти. Г.А.Маллицкий заступился, - «люди же гибнут!», - на что губернатор ответил: «Жалко Вам - берите лодки - спасайте». Нашлись желающие, стали спасать тонущих людей. Гурий Александрович долго пробыл в лодке с двумя матросами, старались спасти больше тонущих, простудился и на третий день умер от воспаления легких.

Учась в Институте Н.Г.Маллицкий ежегодно летом ездил работать репетитором (в институт присылали приглашения). После первого курса он поехал под Оренбург к богатому купцу-мукомолу репетировать двух мальчиков. Вот что он вспоминал об этом лете. В Оренбурге - встреча с родными, там были двоюродные братья. Надо сказать, что сын одного из них, Василий Александрович Маллицкий, - доктор сельскохозяйственных наук, селекционер-животновод, лауреат Государственной премии, жил и работал в г. Алма-Ата. Связь с нами всегда имел. О том лете папа вспоминал забавный случай. В первый же день его приезда сам купец уехал на три дня в город по делам, а папу попросил ночевать в светелке, где стоял сундук с деньгами и бумагами. Папа допоздна зачитался, вдруг почувствовал беспокойство. Взглянул в окно - на него смотрит «эдакая образина» (под окном росло дерево) ветки тянулись прямо к окну). Посмотрели молча друг на друга, человек спустился по стволу и ушел. Следующие две ночи папа был настороже. Потом приехал хозяин, устроил праздник для окрестных крестьян, у которых скупал хлеб. Двухгодовалому бычку, предназначенному для угощения, голову отрубил, как сказали, известный разбойник, тоже приглашенный на праздник. (купец, оказывается, предпочитал откупаться от разбойников). Когда же, заколов бычка, он обернулся, папа мой узнал ночного посетителя. Подошел к нему и спросил: «Зачем ты ночью на дерево залез?». Тот ответил: «Хотел посмотреть студента, никогда не видал. А все говорят - студент приехал». После второго курса Николай Гурьевич жил в имении адмирала Пилкина (где-то на севере России). Репетировал младшего сына, способного мальчика. Свободное время проводил со старшим сыном адмирала, флотским лейтенантом. И всю жизнь вспоминал добрым словом этого молодого человека, его высокие убеждения, рыцарские манеры.

Следующее лето Николай Гурьевич провел в именице Яковлевых под Симбирском. Был приглашен репетитором к старшему сыну, который окончил гимназию с золотой медалью и задумал заняться сельским хозяйством. А отец хотел, чтобы он стал ученым. Так и вышло. (А отца Яковлева в свое время на аттестат зрелости под-

готовил Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Чудесное было лето. Дни проходили в занятиях по языкам, истории, литературе. Переписка со всей семьей Яковлевых продолжалась всю жизнь. Особенно много и искренне писал Николаю Гурьевичу его бывший ученик, Алексей Иванович (Лёня Яковлев, как говорил папа), с которым не столько надо было «учиться», сколько вернуть ему желание продолжать образование, Алексей Иванович потом присылал папе свои труды, например «Безумное молчание». Двоюродный брат Алексея Ивановича, Владимир Петрович Филатов, в то лето у Яковлевых не гостил. Но потом он много слышал от всей их семьи о Маллицком. Уже в старости, во время Отечественной войны, академик Филатов был в эвакуации в Ташкенте. Здесь он разыскал Николая Гурьевича и горячо к нему привязался. Владимир Петрович стал приезжать по воскресеньям к нам за город, иногда вместе с Львом Васильевичем Ошаниным. Они много говорили, В.П. купался, читали стихи. Одно из своих стихотворений Филатов посвятил моему отцу. Когда Владимир Петрович уехал обратно в Одессу, они переписывались.

В Ташкент Маллицкий приехал в августе 1895 года, после окончания института, где он слушал лекции таких профессоров, как Кедров, Мушкетов, Семенов-Тяньшанский. Учился блестяще, товарищи прозвали его Lux (свет). Это сказал мне профессор Малеин, читавший в Женском педагогическом институте в Петербурге, где я училась в 1916-17 гг. (Сам Малеин учился в Институте одновременно с Маллицким). Впрочем, я знала об этом прозвище и от отца. Его должны были оставить при институте. Но папа мечтал о Ташкенте с детства. Когда он учился в гимназии, учитель географии Голубков доверял ему ключ от кабинета, где хранились коллекции и труды многих авторов - Бутакова, Каразина и других исследователей. Папа рассказывал, что в детстве, в Оренбурге, он отправлялся на прогулку к «меновому двору» и каждый раз думал: «Вот я на пять верст ближе к Ташкенту». В Институте товарищи знали о его мечте. Однажды ему сказали: «Приехал из Ташкента Ф.М.Керенский, главный инспектор народных училищ, сидит у директора. Ему нужен учитель истории и географии в Ташкентскую учительскую семинарию. Папа - к директору, стал просить Керенского взять его в Ташкент. Кедров огорчился и рассердился, т.к. хотел оставить его в институте. Керенский видя заминку, сказал, что ему нужен «человек знающий», на что Кедров возразил:»Да он у нас лучший». Керенский зачислил его, и папа, окончив институт поехал в Ташкент. Кедров позже писал ему и звал вернуться в Петербург, в Институт. Кстати, сын Кедрова был позже директором реального училища в Ташкенте. Ехал Н.Г.Маллицкий через Баку, Красноводск, Самарканд. От Самарканда до Ташкента на лошадях, был почтовый тракт. Приехав в Ташкент, Н.Г. сначала поселился в гостинице Гаврилова, но скоро перешел на квартиру к Егоровым, где жил и столовался до женитьбы. Старший сын хозяина квартиры Федор Павлович Егоров тоже преподавал в Учительской семинарии.

В первый же вечер в Ташкенте Николая Гурьевич представился заместителю главного инспектора народных училищ, директору мужской гимназий Николаю Петровичу Остроумову, на дочери которого через полтора года женился. Но тогда, в августе 1895 года, моей матери в Ташкенте не было, она уже уехала на курсы в Петербург. Отец сблизился о семьей Остроумовых. Николай Петрович был человек очень образованный, типичный ученый. Он окончил духовную семинарию, а затем духовную академию в Казани - Восточный факультет. С детства знал татарский язык, т.к. в Сасове (тогда селе) в начальных классах учился в татарской школе. В Академии Николай-Петрович учился вместе со своим другом и родственником Александром Васильевичем Вадковским, который окончил философский факультет. Женились они на родных сестрах, учившихся в Казани в пансионе. Вадковский, овдовев и потеряв двух детей, постригся в монахи. Впоследствии он - митрополит, Петербургский и Ладожский Антоний. Остроумовы навсегда уехали в Ташкент. Бабушка

моя - Ольга Дмитриевна, светлая личность, как о ней говорили. В Ташкенте занималась общественной деятельностью (например, шефствовала над бесплатной столовой). Дом Остроумовых всегда был открыт для учителей. Дедушка, Николай Петрович, в Ташкенте построил и открыл Учительскую семинарию и был ее директором. Потом много лет был директором мужской гимназии (директором женской гимназии тогда был В. Ф. Ошанин). Под старость Остроумов снова вернулся в Учительскую семинарию директором. Научные труды его известны. В первую свою ташкентскую зиму Николай Гурьевич бывал на всех балах у генерал-губернатора (на балы в «Белый дом» приглашалась вся интеллигенция города), на вечерах в военном собрании и в частных домах. Он отлично танцевал, оживлял всё вокруг своим бьющим через край весельем, словом был всегда желанным гостем. «Дорогой Николай Гурьевич! Вас всю жизнь обожали женщины», - сказала на его юбилее в 1945 году жена профессора Романовского. А сам он всю жизнь глубоко и верно любил только свою жену. Незадолго до смерти папа сказал мне: - «Помни, что я всю жизнь любил одну твою мать». Мама же всегда гордилась тем, что любила человека незаурядного. (На фото Николай Петрович Остроумов и его дочь Ольга Николаевна, стоит Николай Гурьевич Маллицкий). Вот что часто рассказывали мне родители о

своей первой встрече. Весной 1896 года войдя после обедни в воскресенье в столовую к Остроумовым, Николай Гурьевич «был ослеплен», увидев дежурившую за самоваром Ольгу Николаевну. Поклонившись, он в смущении схватил какой-то журнал и стал разрезать его деревянным ножом, от волнения кое-как. Вошедший Николай Петрович, человек педантично-аккуратный, сначала взял у него журнал и нож, а потом познакомил: - «Вот Оля, наш новый преподаватель Николай Гурьевич Маллицкий. А это моя вторая дочь.» (Старшая дочь Остроумовых жила в это время в Женеве, поехав в Швейцарию с семьей учителя Эмилия Ивановича Мюллера, она готовилась стать учителем французского языка, но потом увлеклась работой в начальной школе).

Через несколько дней мама уехала в Чимган с Ошаниными и папа туда же. Недели через две сделал предложение и получил отказ. На рассвете мама уехала на арбе в Ташкент. Папа, узнав об этом верхом. Через несколько

дней снова сделал предложение и опять «с искрами веселья в глазах» ему было отказано. Тогда он, т.к. отпуск еще не кончился, поехал на Памир. Там он заинтересовался, между прочим, пещерой Кан-и-гут (есть статья), видел очень много интересного, между прочим, ночью барса, который подкрадывался к лошадям. Приехав в

Ташкент, еще с обветренным и обожженным солнцем лицом, только вымылся и переоделся, и тотчас к Остроумовым.

В третий раз сделал предложение Ольге Николаевне. И она, красавица и умница, на этот раз приняла его предложение, хотя потом удивлялась, как он решился с таким «облупленным» лицом явиться с предложением. Как полагалось, мама объявила своей матери и Ольга Дмитриевна вышла, чтобы дать согласие. Свадьбу отложили до зимы, до 12 января нестарому стилю. Дома готовили приданое, а невеста уехала в Петербург, она была на третьем курсе Бестужевских курсов. Приехала в новый год. И много было рассказов о веселых и радостных днях перед свадьбой, катанье на санках (зима была снежная). Свадьба, по тем временам, была довольно скромная. Жили они интересно. Много читали, смеялись и спорили (в спорах у них рождалась истина). Они и пели вместе. У мамы был слух и голос, но особенно хорош слух был у отца. Он мог сразу подобрать услышанную мелодию. Маму учили музыке, но ей было жалко времени, больше увлекалась чтением. А папу, конечно, по бедности, не могли учить.

В учительской семинарии папа проработал учителем истории и географии до 1898 года, а затем его перевели в мужскую гимназию. К этому времени относится его работа о Ходжикентских надгробных надписях, В Ходжикент он ездил с учениками в пасхальные каникулы. Приехав в Ташкент, Н.Г. сразу стал учить узбекский (тогда говорили сартовский) и арабский языки. Языки ему давались легко. Он читал по-испански, понимал итальянский, самоучкой выучил английский и читал газеты, журналы и даже Шекспира. Но выговор, конечно, у него не блистал. С мамой они часто говорили по-французски. Понимал он также все славянские языки. В Ташкенте Николай Гурьевич познакомился с молодым семинарским учителем муллой Расулом. Папа учился у него узбекскому, а мулла Расул - русскому. И оба изучили языки в совершенстве. Попутно отец занялся арабским. Позже изучил таджикский и в последующие годы уже ездил по таджикским кишлакам без переводчика (а таджики в то время узбекского не знали, исключая торговцев, ездивших по городам). Стал читать персидских поэтов на фарси. Еще в 1895 году, приехав в Ташкент, Н.Г. Маллицкий вступил в кружок любителей археологии, организованный Николаем Петровичем Остроумовым. По-узбекски папа говорил как узбек. Позже, читая лекции, всегда свободно переходил на узбекский или таджикский язык, если замечал, что слушатели не все понимают хорошо. По-таджикски он также говорил, как сами таджики. Но буду писать по-порядку. Родители мои арендовали место в Чимгане. Урочище Чимган принадлежало военному ведомству. На левом берегу Чимганки были белые прочные бараки, куда вывозили на лето «слабосильную команду» из госпиталя. Был врач (военный), аптека, хлебопекарня, кухня, можно было заказывать сытные солдатские обеды. Каждое лето мы жили у подножия Малого Чимгана. Папа купил барак, собрал его дома, перенумеровал бревна, в разобранном виде перевез в Чимган и там с помощью киргиза снова собрал. Барак был маленький, но прочный, простоял до революции, потом его, очевидно, кто-либо перевез в кишлак.

Весной 1901 года в Ташкент приехал генерал Куропаткин. Пришел в гимназию, зашел на какой-то урок в 8-й класс. Вызвал по списку одного из учеников и спросил об одном из своих удачных сражений. Ученик был хороший, но заикался, а от волнения стал заикаться еще сильнее. «И кто в самом деле у вас преподает историю?»- спросил Куропаткин. Маллицкому это передали, он возмутился и сказал, что если генерал не возьмет своих слов обратно, то он уходит со службы. Куропаткин, конечно, своих слов обратно не взял, и отец подал в отставку, хотя все, и главный инспектор, уговаривали его этого не делать. В то время уже была я, маленькая. Дедушка Остроумов посоветовал отцу куда-нибудь съездить, и он поехал на Кавказ и в Крым, панораму Севастопольской обороны видел. А в Ташкенте друзья думали, ка-

кую работу поручить этому молодому, даровитому, но не по чину самолюбивому Маллицкому. Сергей Михайлович Граменицкий, инспектор народных училищ, советовал назначить его на свободное место инспектора народных училищ в Фергану. А в Ташкенте была свободна должность редактора «казенной» газеты «Туркестанские ведомости». Временный редактор Геппенер, занимавший довольно крупное место в канцелярии генерал-губернатора сделал представление, чтобы назначить Маллицкого, который много статей писал в газету). Назначение состоялось и отец со свойственной ему горячностью взялся за новое дело. Так как работал днем и ночью, возвращался домой очень поздно, а мама тревожилась, то мы переехали на квартиру при редакции, на Самаркандской улице, напротив сада дворца великого князя (Дворец пионеров). Мне запомнилась жизнь в редакции, рабочие, метранпаж Василий Васильевич Пичугин, типография, необычайно сердечные отношения со всеми сотрудниками. Работал отец очень много, забывая о времени. Мама посылала меня частенько вызывать его на завтрак.

Приеду я в типографию - папа сидит на месте рабочего на низенькой скамеечке и с увлечением набирает статью. Стою я, за мной стоит собака, ждем. Рабочие начинают смеяться над псом, он был всеобщим любимцем. Тут обратит на нас внимание папа и побежим двором в свою квартиру все трое. Папа вообще всю жизнь любил

побегать. Засидится, заработается, вскочит и выйдет во двор побегать с детьми, которые окажутся поблизости, со мной, с собаками. Редактором Николай Гурьевич был с 1901 до конца 1906 года. Писал сам больше, чем позволял лимит редактора. Поэтому многие статьи не подписывал совсем, и денег за них не получал. А подписывался так: Н.Г. Маллицкий, Н.Г., или Дикий (т.е. не принадлежащий ни к какой партии). Редакция - одно из лучших воспоминаний моего детства. Сердечность в отношениях с людьми, любовь и уважение окружала папу как здесь, так, впрочем, и всю жизнь.

Помню такой случай. Это было в 1945 или 46 году, мы жили уже на ул. Шахриязбской. Иду я быстро по ул. Ленина к дому и вяжу - старый человек, узбек, то сбоку заглянет на меня, то спешит по дороге рядом. Удивляет это меня. Наконец, он говорит: «Барышня, барышня! (А мне под пятьдесят!) Я Вас еще совсем маленьким мальчишкой

знал», « - Как же Вы узнали меня? - На отца похожи очень, идете также. Я в редакции работал, газеты продавал. Салом отцу скажите. Ох, хороший человек! Оба мы

были очень тронуты. Через сорок лет не забыли папиного человеческого отношения.

- А Вы его потом не видели?

- Нет, не в Ташкенте живу, в колхозе.

Рассказала папе, когда он вернулся из университета. Посмеялся. «Значит, ты маленьким мальчишкой была? А кто он, имя? Я не догадалась спросить. Посетовал папа, стал вспоминать ребят, которые продавали газеты и телеграммы времен Японской войны. Потом решил - «Это Максут наверное, был один такой шаловливый мальчишка, я иногда с ним по типографскому двору наперегонки бегал». А недавно, уже много лет со смерти отца моего прошло, остановил меня старик на Алайском базаре. «Вы Маллицкого дочь? Вы помните когда Ваш отец проходил, все вставали. Всегда, еще когда молодой был - вставали, и до конца жизни. И в старом городе, Шур-тепа, на Никифоровских землях вставали люди, здороваясь с ним. Вы это помните!»

Теперь пора приступить с списанию второй драмы в жизни и карьере Н.Г.Маллицкого (первая - уход из гимназии). Это история о том, как он ушел из редакции. После смерти генерал-губернатора Николая Николаевича Тевяшова, который умер в 1905 г, в Ташкент генерал-губернатором был назначен Деан Иванович Субботич. (на фото, слева сидят Андрей Дмитриевич Калмыков, Николай Петрович Остроумов, Деан Иванович Субботич, Ефимов (Сахаров), Николай Гурьевич Маллицкий, стоят слева Александр Александрович Семенов, И. Япелло, И. Беляев). Это был молодой, энергичный, по-видимому, обаятельный человек. «Либеральный», как тогда говорили в похвалу. Ознакомившись с делами, он узнал, что в Бухаре царят жестокие средневековые нравы, нищета, существует зинданы. Он, видно, хотел, собрав факты «доказать» правительству, что Бухару следует присоединить к России.

И Субботич предложил поехать в г. Бухару моему отцу и приставу Григорьеву. Они оба хорошо знали таджикский язык. Мама слабо протестовала, в семье у нас было горе, весной 1906 года умерла ее мать, Ольга Дмитриевна Остроумова, человек большой души. Поехали они верхом трое, третий - джигит Григорьева. Видели, как бесконечно тяжело трудовому народу в горной Бухаре. И зинданы они видели, ямы грушевидной формы, куда людей бросали до конца жизни. Кормили узников подаванием (или родные приносили). Стражники пищу и воду спускали на веревке в выдолбленных тыквах.

Несколько дней они с Григорьевым приносили узникам пищу. Папа, очевидно, истратил все свои деньги, но об этом случайно потом обмолвился. Он спускался в одну из ям и до конца жизни не мог говорить об этом спокойно. Вот, что я помню. В зиндане четвертый день лежал умерший. Сидящие там умоляли его убрать и папа этого добился. Но, видно, этим себя и выдал. До этого их посещения прошли незамеченными. Повесть одного из страдальцев такова: у него была красивая жена таджичка. Ее хотел увезти бек. Муж заступился. Тогда прискакали всадники, его схватили, бросили в зиндан. Он не помнил точно, сколько лет сидит. От людей, подававших в яму еду узнал, что жену его (она пряталась) разыскали и привезли к беку. Другой сидел из-за воды. Осмелился поливать свое поле, не отработав за воду. У третьего участок земли был рядом с дачей, кажется, самого эмира. Он не согласился продать за гроши свой участок могущественному соседу. Сам оказался в зиндане, а землю все равно забрали. По большей части заключенные работали. Один делал из маленьких тыквочек флаконы для насвая. Украшал он их бисером нанизанным на тонкую проволочку. Одну такую тыквочку-горляшку изумительной работы, с чудесным орнаментом из голубого и бисера он подарил моему отцу. Все нужное для работы мастерам передавали «с воли». Другие (стальной пластинкой) занимались резьбой по дереву. Резная чашка, как напоминание о страдальцах, была у нас. Через несколько дней после того, как убрали умершего из ямы, джигит оказал, что надо уезжать: эмир узнал, что русский был в зиндане.

И они уехали. А дома, в Ташкенте, Маллицкого и Григорьева настиг царский гнев. Оказалось, что эмир Бухарский (на фото) послал Николаю II телеграмму о том, что нарушаются условия протектората и что он, брат белого царя, обижен. И вскоре сам поехал в Петербург.

Результаты были таковы: генерал-губернатора Субботича отставили от должности и вообще уволили с военной службы. Уезжал он из Ташкента ночью в сопровожде-

нии казаков, дабы не допустить солдат, молодых офицеров и народ, в частности, железнодорожников прощаться с ним. Его любила военная молодежь. А в Петербурге Субботичем были недовольны за его отношение к солдатам и рабочим, за его доступность. А тут еще история с Бухарой и зинданами. Генерал Субботич уехал в свое имение, кажется, в Смоленскую губернию, был предводителем дворянства. Позже был выбран в I Государственную Думу. В военной службе больше не служил. И мой отец никогда больше с ним не встречался, но сохранил самое лучшее воспоминание о нем как о человеке.

С января 1907 года отец мой стал во главе ташкентского городского самоуправления. Я помню как он, вернувшись домой после выборов, сказал: «Несправедливо количество голосов в Думе. Узбеков - налогоплательщиков в городе гораздо больше, чем русских, а мест в Думе меньше. Но я дал сегодня себе слово, что работать буду так: одна школа в новом городе - одна в старом; одна больница, одна мостовая в новом - столько же в старом (узбекской части города). Будем с управой обновлять и благоустраивать город, не нарушая законов справедливости по отношению к жителям старого города». И он это слово сдержал, хотя и приходилось ему бороться с некоторыми гласными. Члены управы выбирались из числа гласных Думы. Их работа оплачивалась. Были еще служащие, не обязательно гласные. В России городское самоуправление подчинялось уставу Александра III, т.е. фактически находилось в полной зависимости от губернатора, администрации. В Ташкенте же и других городах Средней Азии, а также Семиречья, действовал устав Александра II, содержащий больше «вольностей». Это давало Управе возможность самостоятельно решать некоторые вопросы, о расходовании денег, о приеме служащих. Отец гордился и пользовался своей независимостью. Например, он мог поехать в Петербург (или еще куда-нибудь) не докладывая генерал-губернатору. Он посылал ему сообщение об этом с Ташкентского вокзала незадолго до отправления поезда (телефонограмму).

Я помню такой состав Управы: Левицкий, Мелковский Александр Васильевич, Гуринов Алполинарий Кириллович, Беллевич, Шир-Магомед Мурадов - главный арык-аксакал, его помощник Мааруф-хан. Все люди талантливые, живые, энергичные. Среди служащих Управы были и революционеры, в государственных учреждениях им было бы труднее. После того, как отца моего, выбрали городским головой, мы снова переехали в свой дом (старый адрес - Новая, 68. Теперь эта улица Каблукова). Дом перед этим отремонтировали. Купили рыжего коня, полудикого, из степного табуна Ивановых, и шарабан английского типа, козел не было, папа сидел рядом с кучером. Потом этого конька и экипаж знали все в городе, т.к. отец ездил по всем стройкам и работам. Рыжий признавал только хозяина и кучера Кузьму Репина(?), который жил у нас до войны. В 1914 году он, как фельдфебель запаса был мобилизован в артиллерию. Одним снарядом Кузьма был тяжело ранен, а Рыжий убит. Кузьма Репин долго пролежал в госпитале, на войне больше не был и уехал к себе в Саратов, Отцу моему писал. В начале революции настойчиво звал нас к себе, обещая «кров и защиту». Он думал, что папе нельзя оставаться в Ташкенте, раз он был городским головой. Но папа говорил: зла я никому не делал, старался делать добро. Не тронут меня. А я люблю Ташкент и никуда не поеду.

Итак, с января 1907 года началась новая работа. Городское хозяйство было запущенное, обремененное большими долгами. Человек в личной жизни не экономный (он много помогал людям, которые в этом нуждались), в городе Маллицкий оказался разумным хозяином. Быстро удалось очистить городскую кассу от долгов и начать накопления на благоустройстве города (ремонт имеющихся и строительстве новых больниц и школ, мощение улиц, улучшение водных линий). Члены Управы работали добросовестно. Была и материальная заинтересованность: лучшим ра-

ботникам повышали «жалование», твердой тарифной сетки не было, а деньгами, полученными от налогоплательщиков и продажи участков Управа распоряжалась сама. Правда, трудно было иногда провести какой-нибудь расход через Думу. От старого города гласных было меньше, а некоторые русские гласные, во главе с Малышевым, считали, что благоустроить нужно главным образом новый город. И чтобы они не провалили в Думе нужный проект, несколько раз предпринимали «дипломатические хитрости». Нужный вопрос отец ставил в конце заседания, а первыми - незначительные. Или предупреждал мимоходом гласных, проверенных и заинтересованных работой Управы, чтобы не опоздали к началу заседания Думы. Ставил нужный вопрос первым и проводил его. А Малышев со своими единомышленниками, явившись позже, уже не могли ничего изменить. Гласных из старого города предупредить было сложнее, т.к. многие из них не служили, надо было известить на дому. Тогда отец писал коротенькую записку с просьбой прибыть к началу заседания (думские гласные заседали по средам с 7 часов). И мне, тогда подростку, поручалось поехать на конке (или позже на трамвае) к Максут-Ходже. Войдя во двор через ворота я попадала в мехмонхону. Максут Ходжа обычно сидел не один, окруженный книгами и рукописями. Писали калямом. Поздоровавшись и отдав записку, я сразу уходила. А он уже извещал остальных гласных. В общем-то отец и без этого обычно выигрывал, но много тратил сил на убеждение, чтобы получить нужное количество голосов. С Думы всегда шел пешком, часто поздно ночью. Мама ждала его у окна и от угла уже слышала его легкие, но сильные шаги.

Потом - рассказы. Папа делился с ней каждой своей мыслью, каждой мечтой. Перед тем, как пойти домой, папа звонил по телефону. (Здание Думы находилось на ул. Воронцовской, теперь академика Сулеймановой. В этом здании много лет помещался Госсовет. Одно время частная газета «Туркестанский курьер», редактор Кирснер, да отчасти и «Туркестанские ведомости», ред. Левин («либеральствующая клика» по словам А.Я.Смеловой) нападали на Управу, писали о том, что Гуринов строит второй дом (один у него был). Отец ездил к нему. «Зачем Вам, Апполинарий Кириллович, эта травля, ну зачем Вам второй дом?» На что Гуринов отвечал: «У меня, Николай Гурьевич, военная пенсия и жалование от управы. Две дочери замужем за офицерами генерального штаба, сын офицер. Живем все вместе и тесно, тогда как денег на постройку дома достаточно». Но газеты до того увлеклись сплетнями про Городскую управу, что отец вынужден был подать в суд за клевету на «Курьер». Молодой адвокат Буддыка выиграл дело и газету на какой-то срок запретили. Что я помню с членах Управы. Гуринов Апполинарий Кириллович - отставной офицер, заведующий отделом благоустройства, человек талантливый и трудолюбивый. Ежедневно в 6 часов утра давал задания десятникам. А потом ездил по всем работам.

Очень яркой личностью была Аграфена Яковлевна Смелова - начальник стола начальных школ. Крупные черты лица, волосы с проседью, черная бархотка на волосах. Шаги больше, мужские. Говорила вычурно, чуть в нос. Приехала из Оренбурга. Имя и фамилия ее были псевдонимом, т.к. она была подпольным работником, социал-демократка. Изредка она увольнялась и уезжала, потом появлялась снова. По ее советам и настоянию в школах были введены горячие завтраки, нуждающимся детишкам (по спискам учительниц) на городской счет покупалась одежда. Многие молодые учительницы подчинились ее влиянию и таланту, работали горячо с увлечением. Но многие просвещенцы (гл. образом мужчины) враждовали с ней. У нас А.Я. бывала почти ежедневно, много времени проводила с мамой, хотя была старше ее лет на 20. Часто ходила пешком на вокзал. Очевидно, вела просветительную работу среди жерезнодорожников. Папа не велел мне на улице здороваться и разговаривать с Аграфеной Яковлевной, чтобы не привлекать к ней «лишних глаз».

«Схватят ее, погибнет, больная ведь, а пользы приносит много». Возможно, он больше знал с ней. По-видимому, она была одной из сестер Любатович (Ольга?) из «процесса пятидесяти». Незадолго до Октябрьской революции А.Я. уволилась и уехала в Москву. Прислала папе письмо, звала в Москву: «Здесь Вам найдется работа, которая Вас захватит». Папа ответить не успел (но он и не собирался уезжать из Ташкента). Вскоре пришло письмо - почерк женский, подпись неразборчива: «Аграфена Яковлевна скончалась в день Великого переворота, в Москве».

Шир-Магамет - главный арык-аксакал. Человек талантливый. Воду знал «по шуму». Выдвинулся благодаря таланту, т.к. был человек бедный и незнатный. Большую часть времени проводил вне города, часто ночевал в чайхане. Поэтому городская управа купила ему участок в Ниязбеке, у головы Бозсу, выдали ссуду на постройку дома и он перевез туда семью. Весь год, а особенно весной мирабы - его помощники - ездили по протокам Чирчика, следили за водой. Ни разу за время его работы не было наводнения, не страдали населенные пункты и посевы. О большой воде передавали по способу «узун-кулак». Иногда мираб приезжал и за моим отцом. Однажды в 1913 году, папа, как обычно, поехал верхом на нашем Рыжем. Люди укладывали фашины (тогда из камыша и таловых прутьев с камнями) но их сносило водой. Тогда Шир-Магамет верхом въехал в воду и папа за ним. Помогли рабочим, но отцу тогда сильно камнем ударило ногу и она долго болела. Мурадов Шир-Магамет был человек очень больной, цвет лица у него был очень темный. Но работал много. Умер он в начале 20-го года. Отец говорил (и раньше, и после смерти Шир-Магомета) что редко встречал человека такого талантливого и так любящего и знающего свое дело. Шир-Магамет в сопровождении мираба приезжал к нам на дачу незадолго до смерти. Помощник Шир-Магомета Мааруф-Хан был человек спокойный, тоже очень хорошо знающий свое дело, Шир-Магамет вполне на него полагался и ежегодно с весны отправлял его в длительные объезды притоков Чирчика. Так что Шаруф-хан, человек уже старый, проводил в седле месяца по два. Ездил в сопровождении мираба.

В Управе, по водному же делу, работал и племянник его (и зять, т.к. был женат на дочери Мааруф-Хана), Сайфутдин-Хан Максутходжаев. Папа уговорил его окончить ирригационный техникум (еще до революции). А после Октябрьской революции он окончил институт, стал первым инженером среди узбеков. Известный инженер-гидротехник в Средней Азии. Он очень любил папу и называл себя его сыном. «Николай Гурьевич - мой отец». Много было сделано по благоустройству Ташкента. Расширена телефонная сеть, замощено много улиц, улучшена ирригационная система. Уже после революции, будучи профессором САГУ, папа часто говорил: как теперь хорошо работать Исполкому, по плану. Нужно расширить улицы - снесут дома, которые этому мешают. А ведь раньше - стоит чей-нибудь дом, мешает работам. А хозяин назначит за него высокую цену и Управе приходится платить, иначе нельзя выполнить намеченные работы.

Был построен электрический трамвай. Строило по договору Бельгийское общество. За «бельгийцами» очень следили. Чтобы все, рельсы, вагоны, электростанция - было качественным. Помню, как-то часа в два ночи пришел, запыхавшись, один из городских десятников. «Николай Гурьевич, они сейчас ставят около Урды треснутый столб». И папа отправился с ним вместе ночью «воевать». Построили тогда четыре трамвайных линии - № 1,2,3,4. (до этого была конка). Было много неграмотных, потому фонари на трамвайных вагонах были разноцветные: № 1 - белый, № 2 - красный, № 3 - зеленый, № 4 - синий. И долго еще на старых вагонах они сохранялись. Многие так и говорили - поедем на зеленом трамвае. И вагоны бельгийские бегали еще до тех пор, пока не сделали широкую колею. Кстати сказать, Н.Г.Маллицкий хранил копии документов по городскому хозяйству и всем проводившимся работам у

себя дома. Они лежали в отдельном сундуке, недлинном, но высоком. В Ташгорисполкоме архив сгорел и представители его попросили Маллицкого отдать все эти документы, что он и сделал. Сундук с документами увезли. Было это в тридцатых годах, когда отец уже вернулся из ссылки.

В Ташкенте были больницы: в старом городе и в новом - по одной. В обеих городских больницах служили тогда очень способные люди. В городской больнице на ул. Буковской в хирургическом отделении фельдшер Демидов Петр Яковлевич, а в больнице старого города - Беньяминович (оба они были переведены на оклады врачей). В старогородской больнице работала Мария Ивановна Шилова, гинеколог, доктор Асфендиарова, также гинеколог, и ее сестра Еникеева - акушерка. В русском городе - Шорохова Антонина Алексеевна, Курбатова Юлия Алексеевна, Копытовская, Штейн Екатерина Алексеевна (Якубова по мужу). Главным врачом в больнице нового города долго был Слоним Моисей Ильич. Потом он решил не заниматься административной работой, а остаться терапевтом. Тогда по объявленному конкурсу был приглашен и приехал в Ташкент Войно-Яссенецкий Валентин Феликсович (после смерти жены он постригся в монахи, стал носить имя Лука). Работал Крюков, приехали молодые тогда врачи Корчиц, Шишов Виктор Александрович, Ошанин Лев Васильевич. Хирургом старого города был Магнетштейн Яков Борисович. Были и другие хорошие врачи. Также и «сестры милосердия» были поставлены в хорошие условия. Они относились к обществу «Красный Крест». Жили в небольшом домике в саду городской больницы, у каждой отдельная комната. Была в городе налажена и система санитарного надзора.

Первым городским санитарным врачом был Мирочник (впоследствии профессор). У него был небольшой штат работников. Следили за постройками, заставляли домохозяев чинить вовремя строения и заборы, вывозить мусор, летом поливать улицу возле дома. Полить было нетрудно, вдоль улиц журчала вода, текла по арыкам. Вода была чистая: по местным обычаям ее ценили и уважали, у коренного населения считалось грехом загрязнить воду. Плюс к этому - санитарный надзор. Арыки весной чистили. Зимой убирали снег и посыпали тротуары золой или песком. А мостили тротуары жженым кирпичом, а мостовые - булыжником. Деревья не полагалось сажать ближе, чем 2 метра от стены. Еще за несколько лет до войны 1914 года в Ташкенте решили построить бойню по последнему слову техники.

Городской ветеринарный врач Скворцов А. был командирован в Париж. Изучил там этот вопрос, осмотрел лучшие бойни, привез оттуда проект, план постройки. Бойню построили на Беш-агаче, на берегу канала. Потом там был мясокомбинат и кожевенный завод. Несколько лет назад мясокомбинат перевели за город, в Уртаул. А здание еще используется.

Кого еще помню из Управы? Отдел связи - Билевич, отставной военный. Бельков Иван Иванович, Сосункевич, Абдурахман (базарный смотритель). Секретарем был Бродский Леонид Исаевич. У него с женой была большая библиотека. Библиотека была «узаконена», книги давали на дом. Находилась она на углу Пушкинской и Хивинской улиц. Отделом Народного образования заведовал Александр Васильевич Мелковский. Человек мягкий, легко загорался какой-нибудь идеей, но чтобы довел до конца, надо было «подталкивать». Когда папу избрали Городским головой, ему было 33 года (34 исполнилось в конце сентября 1907 года). Так что почти все члены Управы (за исключением Максутхсдаева Сейфутдтша) были старше него. Некоторые проекты остались неосуществленными.

Готов был проект гидроэлектростанции на Чирчике в Ниязбеке (там в 30-х годах построена плотина «Варрая», ниже - каскад Чирчикских электростанций). Мечтали осветить город электричеством, а то улицы освещались газокалильными фонарями.

Начали готовить проекты канализации. Но не удалось даже начать эти работы, т.к. деньги, скопленные управой, в начале войны царем были реквизированы на нужды войны. Построили серию домиков около крепости (против школы им. Тургенева, в советское время - школа № 80). Домики эти заселяли семьями погибших на войне. После землетрясения 1966 года они, как и школа, снесены. В 1914 году, перед войной, Управу обязали подготовить приемный пункт для мобилизованных. На ул. Куйлюкской (ныне Куйбышева) до ул. Жуковской находился так называемый городской двор. Огорожены высоким забором, по улице длинные бараки (они еще используются). Там все было подготовлено и через 6 часов после получения «красного пакета» (телеграммы) был уже выпечен хлеб, готова горячая пища для приема мобилизованных. Я в 1914 году окончила с серебряной медалью гимназию. Мы с мамой, как только началась война, поступили на курсы «сестер милосердия» и, окончив их, с лазаретом Красного Креста поехали на фронт и были на фронте полтора года. После возвращения с фронта я поступила в Петербургский женский педагогический институт на исторический факультет. Папа, как старший сын в семье, от военной службы был освобожден. Но когда мы поступили на курсы, он тоже просился в армию, чтобы поехать на фронт. Но ему отказали: он был очень близорук. В армии мог быть только писарем, а в Ташкенте была у него огромная работа. Он остался на своем посту.

После Февральской революции в Ташкент приезжал А. Керенский, настоял на пере выборах Думы и Управы. Городским годовой снова, в пятый раз, единогласно выбрали Маллицкого. Но он отказался, хотя все гласные, все члены управы уговаривали и просили его согласиться. Еще в 1916 году трижды папе подбрасывали письмо такого содержания: «Прекратите Вашу полезную деятельность». И крест поставлен. Как выяснилось, это было делом эсеровских рук. Так что эсерам он не верил. Кроме того, отец знал и Александра Керенского, который учился у него в гимназии. Керенского он считал «Хлестаковым». И так, возглавить Управу он отказался, с большим трудом его уговорили остаться товарищем городского головы. А городским головой стал Иванов Иван Николаевич, бывший товарищем после смерти Букраба.

А после Октябрьской революции Николай Гурьевич вернулся на преподавательскую работу, сначала в школу. 25 октября 1917 года папа утром из «Белого Дома» поехал на вокзал. Думал, может быть удастся уговорить молодежь «не проливать братской крови». И позже, во время гражданской войны, он говорил молодым людям «Надо идти с народом. Даже если вы присягали «царю и отечеству». Царь один, а отечество огромно. Силы нужны для борьбы с интервентами». А 25 октября он поехал на голову Салара, т.к. на вокзале узнал, что там прорвался большой арык. Убедившись, что с водой наладилось, пошел домой пешком по рельсам, под проливным дождем. Шел один, спешил, знал, что мы с мамой беспокоимся. Правда, он позвонил, что выезжает к месту прорыва. В конце бывшей Московской улицы его окликнули из чайханы. Узбеки, сидевшие в чайхане, узнали его (сам-то он был близорук). Сказали, что в городе объявлено военное положение, входить в город нельзя, уже поздно. Но папа решил добраться домой. Тогда, обогрехши его чаем и слегка обсушив, уговорили влезть на арбу с сеном, закрыли сеном и так привезли в город. Мы с мамой, конечно, не спали, сидели у окна. Часа в 4 или в 5 утра слышим - поскрипывает арба. Остановилась около нашего дома, потом завернула, поехала на Саман-базар. Явился отец, еще мокрый и в глине, т.к. по обыкновению сам участвовал в работе на арыке. Спасибо людям, которые узнали его и привезли домой в ту тревожную ночь.

Я не писала, как мы жили на Новой улице. Больших приемов не делали. Мама говорила: потому, что мы много работаем. Мама принимала дома все телефонограммы для отца и отвечала на звонки. Бывали у нас родные, близкие друзья (Якубов-

ский, Галкин, Благовидов и другие). Приходили управские, им были рады. А вот детские (а позже молодежные) праздники с музыкой и пением у нас бывали, генерал-губернатор с женой (когда приезжал новый, представиться) Помню два визита эмира Бухарского (проездом через Ташкент). Великий князь не только с визитом, но заезжал и запросто, побеседовать с папой, к нему, даже когда он бывал с женой, мама не выходила и поэтому должна была присутствовать я. Бывал Козлов с женой: которую в честь Пржевальского называл Пшевочкой (по пути в экспедицию и обратно). Помню Федченко с матерью. Родители же трижды в год бывали на приемах у генерал-губернатора: в царский день, новый год и после пасхальной заутрени. В 1918 году я вышла замуж и уехала в Аулие-Ата (Джамбул) на год. Родителям моим пусто и скучно стало одним в доме без молодежи. И они переехали на дачу на Никифоровские земли. Оставленный дом, конечно, заняли другие люди, Никифоровские земли город примерно в 1908 году отсудил у купца Никифорова за неплатеж налогов. Поделили на участки и распродали. Папа у города участок покупать не хотел, а перекупил у генерала Сусанина, который решил его продать. Насаживали виноградник. Дома не было, была только сторожка и сарай. Жизнь за городом тоже была интересной, работа на винограднике (в свободное время). Транспорта тогда не было, отец ходил в город пешком (с 1918 года уже в Университет), Если его догоняли проезжие (а это бывало нечасто), предлагали подвезти, он с благодарностью садился и доезжал до города. Были друзья, соседи, главным образом рабочие. Папа считал, что неинтересных людей нет, от каждого есть чему поучиться.

А в январе 1919 года папу арестовали. В городе было Осиповское восстание (это я знала по рассказам). В новогоднюю ночь в городе была стрельба. Папа выходил из дома послушать и решил, что стреляют армяне, как они делали по праздникам. А утром прибежала девочка и сказала, что Маллицкого искали в доме на Новой улице, чтобы арестовать. «Пойду объяснюсь, узнаю в чем дело» - решил папа. И пошел, хотя соседи уговаривали не ходить. Идет к зданию чека, по дороге встретил его бывший управский сторож Дмитрий Владимирович Лаврентьев. «Вы, Николай Гурьевич, куда? - Да меня ищут арестовать» надо узнать в чем дело. - Не ходите. Пошел все равно. А Лаврентьев, не теряя времени, побежал в Горсовет. Там много работало управских, почти все городские рабочие остались. Составили заявление о том, что Николай Гурьевич не мог участвовать, не мог иметь никакого отношения к антинародному кровавому делу, что они ручаются за него. Подписали заявление и Лаврентьев пошел с ним в ЧК. По дороге еще собрал много подписей (было их больше семидесяти!). Все от рабочих. Подошел и, по его рассказу, «войти забоялся». Дома жена, пятеро ребят. Тут его и увидел городском архитектор Голубков (папин одноклассник по оренбургской гимназии). Он был еще подпольщиком коммунистом. Он взял и подал заявление. Оно папу и спасло, т.к. арестовывали его люди не ташкентские. Просидел он в подвале 16 дней, (Когда он пришел его попросили присесть, а потом проводили в подвал). За эти дни многих из подписавшихся вызывали на допрос. Вызывали и мою мать, за день до того, как папу выпустили. Вышел с ним еще мальчик лет пятнадцати, тоже случайно попавший сын старгородского полицмейстера Кагана. За него хлопотали жители старого города. Вернулись родители мои домой и мама заболела. На нервной почве вместе с простудой обострился ревматизм. И она уже до конца своей жизни, а умерла она в 1943 году, не могла ходить.

Еще в начале революции папу звали уехать из Ташкента. Саратовский городской голова, с которым они вместе когда-то хлопотали об открытии университетов (каждый для своего города) проезжая в Сибирь, звал ехать вместе. А начальник земледелия Булатов уговаривал эмигрировать, на что папа ужасно рассердился. Остался в Ташкенте и оказался прав. Кстати, вспомнив про Саратовского городского голову, хочу вернуться несколько назад. Мой отец, как я писала, добивался открытия уни-

верситета в Ташкенте и строительства железной дороги на Сибирь, которую считал необходимой (прежде всего в связи со специализацией сельского хозяйства в Средней Азии). В 1910 году он был с докладами об этом в Петербурге. Университет царь повелел открыть сначала в Саратове. А дорогу строить начали, но довели только до ст. Бурное. В 1914 году строительство замерло.

Вот тогда, в 1910 году, отцу пришлось видеться со Столыпиным. И неожиданно он узнал с родстве со стороны Молчановых (своей матери), о котором мы мало знали. Окончив деловой разговор, Столыпин спросил у отца: «Ваша матушка урожденная Молчанова? - Да. - А Молчановы родня Столыпиным. Прошу Вас завтра заехать ко мне домой. Отец приехал в назначенное время. Столыпин ввел его в комнату с темно-красными обоями и такими же занавесями. Комната была увешана портретами Лермонтова, его рисунками и рукописями. «Вы знаете, что дочь сенатора Петра Молчанова вышла замуж за. Столыпина (будущего сенатора), т.е. за брата бабушки Лермонтова, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной. Таким образом мы родственники», И Столыпин подарил моему отцу «в память о нашем общем великом предке» свой большой портрет на блестящей бумаге. Портрет этот, взятый со всеми бумагами при аресте отца в 1931 году (7 мая) к нам не вернулся. Правда, когда отца моего освободили, предложили выбрать свои бумаги, семейные письма и фотографии из общей кучи в подвале здания на углу ул. Ленинградской и Алексеевского переулка. Но он мало успел своего выбрать: полутемно, был декабрь, день пасмурный, снег с дождем, а на улице ждала его я. Вынес он два чемоданчика с письмами и фотографиями, один понес сам, другой - я.

С 1922 года с моими родителями поселился и жил до конца своей жизни (т.е. до ноября 1930 года) дедушка Николай Петрович Остроумов. Жизнь была очень интересной. Приходили Ошанины - Лев Васильевич с женой Натальей Николаевной, младшей из сестер Остроумовых. Папины друзья - Благовидов, Панков, Граменицкий Д.С. и другие. К дедушке Остроумову приходила многие молодые ученые - Умняков, Бетгер, Массон. Собирались родные. Кроме того, в 1927 и 1929 годах в Ташкент летом приезжал Бартольд. Обязательно каждую субботу он приходил к нам и уходил в воскресенье вечером. Сидели и беседовали часто в саду. А еще Николай Петрович всегда был окружен соседскими детьми, с которыми, бесплатно, конечно, занимался грамматикой русского языка. В 1922 году, когда в Ташкенте работал Булганин, отец мой по его приглашению согласился стать консультантом по городскому хозяйству. Два раза в неделю за ним присылали лошадь. Горсовет был в прежнем здании Думы. Предлагали вернуться на административную работу в город, но папа тогда уже увлекся научной работой и Университетом. Продолжалась нелегкая, но интересная жизнь на Никифоровских землях. Николай Гурьевич читал лекции в Университете, в двадцатых годах он преподавал также в Высшей военной школе востоковедения. Звание Красного профессора получил в 1926 году. Лекции по этнографии, которые он читал на восточном факультете, не сохранились. Их не стенографировали. Готовясь к лекциям, отец их подолгу обдумывал, а конспекты писал краткие, память у него была необыкновенная. Такой конспект-записку он доставал время от времени из нагрудного кармана и пользовался им, как планом, (а позже, уже в военные годы, когда не было бумаги, многие свои записи, в частности к лекциям по географии, он делал на срезанных с газет краях и не сохранял их). Небольшое количество таких листков, сохранившихся у меня, с записями отца я сдала в Госархив УзССР уже в конце семидесятых годов.

7 мая 1931 года отец мой вернулся с заседания Госплана, где обсуждался вопрос о Вахшстрое. Был он взволнован, т.к. по его словам, «дал бой» доказывая, что начинать такую большую стройку, нужно построив сначала хорошие дороги. В ту же ночь его арестовали. Арестовали также большую часть преподавательского состава

востфака. Через семь с половиной месяцев выпустили оправданного. Надо сказать, что большую часть времени папа просидел с уголовниками, которые его уважали, исполняли за него грязную работу. В тюрьме он читал лекции заключенным по истории и географии. Они с интересом слушали, а на прощание, когда его освободили он подарили ему целую стопку детективных романов, которые читали сами. В разные дни осени 1931 года выпустили и остальных арестованных востоковедов. Но в январе 1932 года всех их вызвали и объявили с ссылке. Папа получил три года «вольной высылки». Во время заключения на допросах он держался твердо, отстаивал честь своего имени. Место высылки предложили выбрать, исключая столицы. Ферганскую долину и Таджикистан. Он выбрал Чимкент - и неудачно, В 1933-34 годах там было голодно. А отец упросил привезти к нему жену, О. Н. Маллицкую, т.к. привык к постоянному общению с ней. У папы с мамой была домработница, т.к. мама была больна. Эта девушка поехала в Чимкент вместе с мамой и вернулась с ними в Ташкент. Отец работал в Облводхозе в Каракультресте экономистом. Получали тогда хлебные карточки. Каждый месяц я ездила в Чимкент, возила продукты. Как и сколько - горько вспомнить. Например, чемодан картошки, немного хлопкового масла. В Ташкенте тоже было трудно, но я делила военный паек мужа и меняла вещи на продукты (через старьевщика).

Но кончилось и это тяжелое время. 7 мая 1934 года, ровно через три года после ареста, отца вызвали в ГПУ, куда он должен был являться каждую неделю, и объявили, что он свободен. В тот же вечер он приехал в Ташкент. На один или два дня. Позвал меня поехать на Куйлюк, посмотреть новый мост через Чирчик (его давняя мечта). Потом поехал за мамой и за книгами (книги по списку пересылали ему «малой скоростью»). Вернулись они с мамой на грузовой машине. В степи цвели маки. Они нарочно останавливались на отдых и завтрак. Ночевали в степи. Проснулись - солнце встает, роса, степь сверкает. И отец и мать говорили, что это одно из лучших воспоминаний в их жизни. Вернулись к себе на виноградник. Утеплили свою сторожку, сделали еще комнатку из сарая, позже туда перевезли рояль. И начался новый период жизни - яркий, трудовой, с друзьями, музыкой, стихами. Домик стоял на бугре, а виноградник остался маленький, так как участки уменьшали. Перед терраской развели цветы. С горки были видны горы. Горы любили оба, любовались ими. У папы был цейссовский бинокль, мама и без него видела. Папа вернулся в Университет, был профессором географического факультета. Работал и в Таджикском учительском институте, который был в Ташкенте. Студенты - таджики ежегодно подбрасывали ему «кар-хат», поздравление с первым снегом. Принявший письмо должен пригласить всех в гости. Зная этот обычай, отец ежегодно письмо брал, по традиции его подавали выпускники. Приглашение откладывали до конца учебного года, когда поспевали фрукты и можно было купаться в Кара-су. Гостей принимали на супе под деревьями. Дня этого и студенты и мы ждали, как праздника. Было еще одно трудное переживание.

В 1936 году в Ташкенте была перепрописка. Бывших арестованных не прописывали. Отца, конечно, звали в другие города, приезжали к нему звать в Самарканд и в Алма-Ата. Но он из Ташкента не хотел уезжать. Я тогда обратилась с письмом к Сталину и получила ответ за его подписью: «Соберите отзывы с мест работы Вашего отца и пошлите заявление на имя Вышинского». На другой день я это сделала, а через две недели пришел ответ-разрешение прописать. Кроме учебных заведений, папа работал и в институте истории и этнографии. Всего семь лет прошло с 1934 года, когда Маллицкие вернулись из Чимкента, до начала войны. Но какие хорошие это были годы! По выходным дням, особенно в теплое время года, собирались у них родные и друзья (многие из них папины бывшие ученики по гимназии) Г.Н.Черданцев, Л.В.Ошанин, А.В.Панков, Граменицкий Д.С. Зимой добратья к ним

было труднее и все равно они не были одиноки. И мама, по-прежнему, была участником всех интересных бесед, научных замыслов. В начале войны отец предложил штабу САВО сделать описание физико-географических районов Средней Азии для летчиков. Ему предоставили маленький открытый самолет, летали вдвоем с пилотом. От оплаты отказался, просил считать работу вкладом своим для будущей победы. Иногда за ним приезжали и он читал офицерам лекции. В 1943 году, 24 июня, умерла моя мать. Время было трудное, она болела воспалением легких. С ее смертью папа потерял значительную долю своей жизнерадостности.

Работать продолжал. Заканчивал капитальный труд «Динамика водных ресурсов Средней Азии». Эту работу, основанную на точных цифрах и фактах и еще не опубликованную, он послал в Москву на соискание степени доктора наук. И работа эта пропала. Позже след ее отыскался. Геолог Соседко прислал письмо папе, не зная, что к тому времени он уже скончался. А я не предприняла серьезных шагов к розыску. Дома оставался еще один машинописный экземпляр (в первой редакции).

Седьмого (ила даже 8-го) марта 1945 года объявили по радио, что Николаю Гурьевичу Маллицкому присвоена степень доктора наук без защиты диссертации. Вскоре прислали и документы.

В 1945 году Университет и Академия наук Узбекистана отметила пятидесятилетие научной и педагогической деятельности Маллицкого. Торжественнее заседание проходило в помещении, где Николай Гурьевич часто бывал и работал, в здании по улице Абдуллы Тукаева, 1, около площади Ленина. Зал был переполнен. Было очень много адресов и телеграмм от научных учреждений, учебных заведений и других организаций. После тяжелых лет войны, накануне победы, это был настоящий праздник всей научной общественности Ташкента. Николаю Гурьевичу было присвоено звание Заслуженного деятеля науки Узбекистана. И победа, общая радость, новые силы.

Во время войны папа потерял двух сестер - Нину Гурьевну и Елену Гурьевну Маллицких. Они обе были научными работниками. Первая - физиолог, вторая - сотрудник Эрмитажа. Их вывезли из Ленинграда по «дороге жизни», но обе они умерли в пути. Рассказали нам об этом их спутницы, которые, проезжая через Ташкент, зашли к нам..

Жизнь за городом после кончины мамы уже не имела прежнего смысла и папе предложили квартиру в доме по улице Шахризямской. Во время войны там жили эвакуированные ученые-ленинградцы, а весной 1945 года дом освободился. Папа выбрал две небольшие комнаты. Свято место пусто не бывает. И сюда приходили друзья, часто молодежь. Многие обращались с вопросами. Живя в городе папа стал ходить в праздники на площадь Ленина. Ему присылали пропуск на военный парад. Помню как первый раз, вернувшись с площади, он был радостно взволнован и многое вспоминал. Он бывал на парадах и до революции. Но вот в 1918 году, когда в Ташкент вошли подразделения Красной Армии - усталые, в обмотках и шинелях красноармейцы - папа шел долго за строем по улице и, вернувшись, так радовался: «Во это уже настоящая Армия, которая защитит Родину. И наконец, в 1945 году он увидел парад Советской Армии, победившей в Отечественной войне! И позже, в праздничные дни он обязательно ходил на площадь. Бывал папа со мной или внуками в театре, на концертах, видел лучше фильмы в кино» Я единственная дочь у Маллицких, очень они любили двух своих внучек, моих дочерей. Папа дождался рождения старшей правнучки в тоже успел ее очень полюбить.

Умер Николай Гурьевич 30 октября 1947 года от необратимого инфаркта, болел всего несколько дней. Работал до конца жизни.

Историческую часть своей библиотеки он передал Академии еще сам. А после его смерти оставшиеся книги, почти все его рукописи, в том числе машинописный экземпляр «Динамики водных ресурсов Средней Азии» я передала Государственной Публичной библиотеке им.Навои.

Николай Гурьевич мечтал о том, что будет издаваться энциклопедия Средней Азии и собирал материалы. У него была 21 папка, по областям (вырезка из газет и журналов, свои записи). Было три экземпляра Массальского «Туркестан», где все поля были исписаны его рукой. Попросили сдать также адреса и письма, полученные к юбилею. Все эти материалы хранились в отдельном шкафу. Позже меня попросили помочь разобрать некоторые записи (у папы был трудный почерк), И оказалось, что в шкафу далеко не все, В частности «Туркестан» Массальского только один экземпляр. А в 1973 году в библиотеке был пожар. Я была в отделе редких книг, куда перенесли материалы отца, но почти ничего уже не могла найти. То, что у меня осталось, я сдала в Госархив УзССР. Там сейчас в отделе личных фондов есть архив Н.Г. Маллицкого.

Еще несколько слов с Николае Гурьевиче как человеку, как личности, о его характере и отношении к людям. Был он выше среднего роста, черты лица достаточно крупные. Сильный, мускулистый. Походка легкая, все движения стремительные и сильные, В молодости был кудрявым, но рано стал лысеть ото лба и все помним его с венчиком темно-русых волос на висках и выдающемся затылке. Очков под старость не носил, а в молодости и в средние годы надевал во время работы. Переселившись в 1918 году за город, стал носить сапоги и потом всегда ходил в сапогах. Глаза его были необыкновенные, темно-темно синие и радужная оболочка как бы с мозаичным рисунком. Взгляд то внимательный, то сияющий. Но если сталкивался с бесчестностью, то, бывало, так посмотрит на виноватого, что тот как будто и ростом меньше сделается. Да около него и невозможно было подумать или сделать что-нибудь дурное, такое влияние он оказывал на окружающих. Людям желал и делал много добра, материально многим помогал, если видел нужду. Благодарности не слушал, уходил, И нам говорил: «Хочешь помочь - пусть левая рука не знает, что делает правая, И никогда не вспоминай об этом. Был отец мой рыцарем в самом лучшем смысле. Особенно по отношению к старикам, женщинам, детям, а также в отношении своей чести. С подчиненными держался, уважая их достоинство, а с начальством - не роняя своего. Характер у Николая Гурьевича был чудесный, хотя, как многие добрые люди, был он вспыльчив. Горячо пылко воспринимал окружающее - природу, картины, музыку, литературу. Были у него любимые писатели и любимые книги: поэзия Лермонтова (героем нашего времени он не увлекался), Пушкин, конечно, самый любимый. Любил пьесы Островского, Шекспира, романы Вальтера Скотта, Диккенса, Записки Пиквикского клуба чуть ли наизусть знал. Козьму Пруткову любил. Откроет в какой-нибудь из любимых книг нужную страницу, прочтет вслух и хохочет залиvisto (и мы с ним вместе). Многие стихи Пушкина и Лермонтова знал наизусть.

Как бы не устал папа (например, придя пешком из города «на дачу») всегда вносил в дом оживление и радость. Ребятишки со всей улицы встречали его: он нес для них из города конфеты и пряники, и всех оделял. А потом еще и в ворота стучали, кто не успел встретить. А то и повторно.

Как бывший редактор, Николай Гурьевич, обязательно, с большим интересом читал всегда газеты. В последние годы, уже на Шахризьябской, часто газеты ему читали мы. И любимые книги читали. Между прочим, в эти годы перечитали Тургенева и Гончарова (Фрегат Палладу он любил).

Так как папа говорил, что Земля вступает в новую геологическую эпоху - эпоху вулканов и землетрясений я хочу приложить одно из его стихотворений, Этна. (Стихи его также в архиве).

24 сентября 1973 года Президиум Узбекистанского Географического Общества и географический факультет ТашГУ организовали и провели заседание, посвященное столетию со дня рождения Н.Г. Маллицкого. Было оно уже в новом здании университета. С докладами выступили О.Ю. Пославская, В.И.Рацек, а с воспоминаниями И.А. Райкова, Х.Х.Хасанов и многие другие.

Членом Географического Общества Н.Г.Маллицкий был с его основания, в 1897 году. И занимал в нем ряд выборных должностей:

с 1899 г. по 1902 г. - ученый секретарь
с 1902 г. по 1906 г. - член правления
с 1906 г. по 1918 г. - заместитель председателя
с 1918 г - председатель.

До революции председателем считался генерал-губернатор, так что Маллицкий, будучи заместителем, фактически выполнял работу председателя.